

Все держится в тайне

Марина Каминская

По странной прихоти судьбы их всех звали Лидиями. Одна Лидия узнала себя в «Чайке» и обрадовалась: значит, работая над пьесой, Чехов думал о ней. Другая Лидия узнала себя в «Чайке» и, верно, обиделась: разве я такова? А третья Лидия ни в ком из персонажей себя не узнала, но возликовала, обнаружив в «Чайке» тайный знак, адресованный, как показалось, ей и только ей.

Жестокий роман

«Да здесь все говорят, что «Чайка» тоже заимствована из моей жизни, и еще что Вы хорошо отделали еще кого-то!» — так писала Чехову спустя две недели после премьеры «Чайки» в Петербурге Лидия Стахивевна Мизинова, или — Лика, как звали ее в дружеском кругу.

И вот уже более ста лет: зайдет разговор о самой загадочной из чеховских пьес, о героине ее — Нине Заречной, — непременно помянут Лику.

Для многих людей среднего и старшего поколений это имя неразрывно связано с обликом французской актрисы Марины Влади, сыгравшей Лику в фильме Сергея Юткевича «Сюжет для небольшого рассказа».

Настоящая Лика, судя по ее фотопортретам, на Марину Влади была очень мало похожа. Впрочем, эти снимки едва ли дают представление о настоящей Лике. Глядя на них, трудно представить, что на эту женщину засматривались на улице, оборачивались в театре, а Чехов, когда в Мелихово наметало такие сугробы, что зайцы взбирались на них и заглядывали в окна, шутил, будто это они хотят полюбоваться на гостившую там Лику.

«Лика была девушка необыкновенной красоты. Настоящая «Царевна Лебедь» из русских сказок. Ее пепельные вьющиеся волосы, чудесные серые глаза под «соболиными» бровями, необычайная женственность и мягкость и неуловимое очарование в соединении с полным отсутствием ломанья и почти суровой простотой — делали ее обаятельной, но она как будто и не понимала, как она красива», — такой запомнилась Лика писательнице и переводчице Татьяне Щепкиной-Куперник.

В Лику нельзя было не влюбиться. Но каково же было изумление брата Чехова — Михаила, когда уже на склоне лет он прочитал переписку Антона и Лики и ему открылось: «Между нею и Антоном был жестокий роман, которого никто из нас даже не подозревал и который был расторгнут самим Антоном. Думали мы, что просто ухаживание, а это было очень серьезное дело. Лика сошлась с Потапенко назло (...)».

Вероятно, в те годы «жестокий роман» Чехова и Лики был тайной только их двоих. В сюжетных коллизиях «Чайки», линии Нина Заречная — Тригорин общие знакомые Чехова и Лики увидели отражение другого ее жестокого романа — с беллетристом Игнатием Потапенко.

Когда биографы Чехова пытаются реконструировать его отношения с Ликой, получается так: Лика Чехову нравилась. Нравилась больше многих, а может, и всех других женщин, встречавшихся в то время на его пути, но связывать свою судьбу с ней он не собирался. Ни женитьба, ни положение неофициального мужа некоей, пусть даже очень симпатичной особы, в его планы не входили: ничего, что стесняло бы свободу.

Лика же мечтала об определенности отношений и пыталась добиться ее, пуская в ход и такое испытанное женское оружие, как провокация ревности.

В ее письмах к Чехову мелькает что-то то об одном, то о другом ее поклоннике, среди которых был и живописец Левитан.

Чехов иронизировал в их адрес, высказывался довольно едко, и этим, верно, дарил ей надежду: ревнует — значит любит. Однако того, о чем Лике так мечталось, не говорил и не писал. И даже ее предложение о совместной поездке на Кавказ отклонил под благовидным предлогом.

В такой неопределенности пролетело четыре года. А потом до Лики дошли слухи, что Чехов увлекся модной актрисой Яворской. И если бы только слухи!

Яворская, то ли из какого-то изощренного коварства, то ли не подозревая о чувствах Лики к Чехову и видя в ней лишь добрую знакомую чеховской семьи, сообщила ей о своих планах выйти замуж за Чехова и просила посодействовать.

Что было делать бедной Лике? Она написала об этой просьбе Чехову. Ожидала, что Чехов посмеется над фантазиями Яворской и, наконец, более четко определится в отношении к самой Лике? Так ведь бывает иногда в подобных ситуациях... Но — не произошло. И тогда Лика бросилась, как в омут, в страстный роман с Потапенко.

Игнатий Потапенко в известной степени был тоже человек чеховского круга, если понимать под этим не мироощущение и жизненные принципы, а сферу общения. Он тоже, к примеру, гостил у Чехова в Мелихове.

Игнатий Николаевич был даровит, остроумен, весел, хорош собой и, как свидетельствовали его знакомые, умел внушить женщинам страстное чувство, красиво ухаживать. Бывало, в дружеской компании Лика пела под собственный аккомпанемент на рояле и скрипку Потапенко... Выразительные взгляды, вздохи, слова любви, а не вечная чеховская ирония — всего этого у Потапенко было в избытке. Наконец-то, казалось Лике, она по-настоящему любима...

Он позвал Лику в Париж. Не только потому, что Париж — это Париж, мекка всех влюбленных, воздух веселья и свободы, а еще и потому, что там жила его семья, и Игнатий Николаевич обещал добиться у жены согласия на развод.

Однако дальше у Лики и Потапенко сложилось почти как у Нины Заречной и Тригорина: «Был у нее ребенок. Ребенок умер. Тригорин разлюбил ее и вернулся к своим прежним привязанностям, как и следовало ожидать. Впрочем, он никогда не покидал прежних, а, по бесхарактерности, как-то ухитрялся и тут и там».

На тот момент, когда Чехов писал «Чайку», дочь Лики была жива. Но пьеса, к несчастью, оказалась пророческой. Ребенок умер через две недели после первого — петербургского — представления «Чайки». Умер неожиданно. От воспаления легких.

Судьба нанесла Лике удар и тут же словно попыталась ее утешить: именно в это время, по мнению биографов Чехова, «наступает пора как будто нового его сближения с Ликой». Продолжалась она, вероятно, до того момента, когда в его жизни появилась актриса Московского художественного театра Ольга Книппер...

Нина Заречная из «Чайки», несмотря ни на что, продолжала любить Тригорина. И даже сильнее, чем прежде. Верила, что, став актрисой, нашла свое призвание.

Лика Мизинова Потапенко больше не любила. Всю свою жизнь она любила Чехова.

На следующий год после того, как он обвенчался с актрисой Книппер, она вышла замуж за актера и режиссера того же театра Санина. Чехов думал, что ей с Саниным «будет нехорошо, она не полюбит его».

И тут оказался пророком? По одним свидетельствам — да. По другим Лика, быть может, и не полюбила Санина, но он был нежным, заботливым мужем, и в браке с ним Лидия Стахиевна Мизинова обрела если и не счастье, то душевный покой.

«Мой повелитель»

«Дорогой, милый Антон Павлович!

Боже мой, как огорчило меня известие о Вашей женитьбе. Я в тот момент писала красками, и все кисти и палитра полетели к черту. Ведь я до последней минуты не теряла

надежды выйти за Вас замуж! Все я думала, это так, шуточки с другими, а мне за мою скромность Бог счастья пошлет, и вот конец моим мечтам».

Так стенала в письме к Чехову художница Мария Дроздова. Что же, немало девиц и дам были в Чехова влюблены. Многие считали себя без пяти минут его невестами. И, наверное, как и Мария Дроздова, были убеждены: главное украшение и достоинство женщины в глазах Чехова — это скромность, неброскость. Такое убеждение живо и поныне. Может быть, это и к лучшему.

Но когда появилась пьеса «Чайка», знакомые Чехова не только узнали в Нине Заречной Лику Мизинову, но и в образе актрисы Аркадиной — «обворожительной пошлячки», неофициальной жены Тригорина — Лидию Борисовну Яворскую.

Щепкина-Куперник была ее ближайшей подругой. Она не сомневалась, что Лидия Борисовна как женщина Чехова «безусловно интересовала». И вот — ее словесный портрет Яворской: «У нее золотистые волосы, великолепные серо-голубые глаза, большой, но очень красивый рот, умеющий быть и нежным, и жестоким. Она оживлена, всегда вся горит».

Лидия Борисовна была женщина — праздник. Нередко, пожалуй, слишком шумный. С избытком мишуры.

На сцене она обожала эффектные наряды, кипение страстей. В жизни?.. Тоже эффектные наряды, страсти, восторги поклонников.

— О, ты обезумел! Мой прекрасный, дивный... Ты, последняя страница моей жизни! (Становится на колени). Моя радость, моя гордость, мое блаженство... (Обнимает его колени). Если ты покинешь меня хотя на один час, то я не переживу, сойду с ума, мой изумительный, великолепный, мой повелитель...

Так в «Чайке» Аркадина пытается (и небезуспешно) вернуть увлекшегося Ниной Тригорина.

Очень похожая сцена описана в воспоминаниях Щепкиной-Куперник, посвященных взаимоотношениям Чехова и Яворской: «Шел в некотором роде флирт. Я помню, как она тогда играла индусскую драму «Васантасена», где героиня с голубыми цветами лотоса за ушами становится на колени перед своим избранником и говорит ему: «Единственный, непостижимый, дивный»...

Дальше в рассказе Щепкиной-Куперник возникает синяя гостиная Яворской. О, какая была картина! Когда Чехов входил туда, «Л.Б. принимала позу индусской героини, кидалась на ковре на колени и, протягивая к нему тонкие руки, восклицала: «Единственный, великий, дивный» и т.п.»

Какое-то время эта игра, видимо, Чехова увлекала и забавляла. Потом наскучила и стала раздражать. Тем более что Яворская любила шумиху и была бы рада, если бы об их с Чеховым романе говорила вся Россия. Чехову такое никак не могло понравиться.

Лидия Борисовна тоже охладевала к Чехову: «повелитель Карудатта» не оправдывал ее надежд. Ожидала, что напишет пьесу, в которой она предстанет перед зрителями во всем своем блеске, а тут — какая-то непонятная «Чайка»...

Первыми, кстати, с «Чайкой» познакомились завсегдатаи салона Яворской: Чехов сам читал ее. Лидия Борисовна изображала восторг. Получалось неискренно. И это все заметили.

Щепкина-Куперник говорила, что дальше поверхностного сходства Аркадиной с Яворской не пошло. Возможно, Лидия Борисовна все же думала по-иному, увидев в образе Аркадиной карикатуру на себя: карикатуру тонкую, но беспощадную.

Как бы то ни было, «Чайка» поставила окончательную точку в их отношениях. Только вот так удивительно вышло, что с будущей женой — Ольгой Книппер, Чехова, можно сказать, познакомила Аркадина. Ведь в Московском художественном театре Аркадину играла она. Правда, в первое знакомство на репетиции Книппер большого впечатления на него не произвела. Он влюбился в нее, когда увидел на другой репетиции, в чужой пьесе, в образе царицы Ирины... Однако вскоре одно из своих писем к Книппер начал так: «Здравствуйте, последняя страница моей жизни», и это уж — дословно текст Аркадиной. Так затейливо и причудливо все переплелось.

Тайные знаки

Была на премьере «Чайки» в Петербурге женщина, которую эта пьеса взволновала совершенно особенно. Звали ее Лидия Алексеевна Авилова, она баловалась сочинением беллетристики.

Одна из сцен между Ниной и Тригориным заставила ее вздрогнуть и замереть. Для всех это был просто диалог персонажей. Но Лидия Алексеевна сквозь их слова услышала прямое обращение к ней Чехова.

Там, помните, Нина дарит Тригорину перед расставанием маленький медальон. На одной его стороне были вырезаны инициалы Тригорина, на другой — название его книжки и номера страницы и строки. Заинтересованный Тригорин берет с полки эту книгу и читает зашифрованное Ниной: «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее».

Но какое отношение все это имеет к Авиловой? Лидия Алексеевна была убеждена, что так Чехов ответил ей, что получил ее подарок, доволен им.

Предыстория такова. Однажды Лидия Алексеевна пригласила Чехова на ужин. Ей казалось, что им давно уже есть, что сказать друг другу. Но дело испортили непрошенные гости, и все было просто ужасно. А когда гости ушли, Чехов поразил уставшую и раздосадованную хозяйку признанием:

— Знаете, что я был серьезно увлечен вами? Это было серьезно. Я любил вас. Мне казалось, что нет другой женщины на свете, которую я мог бы так любить. Вы были красивы и трогательны, и в вашей молодости было столько свежести и яркой прелести. Я вас любил и думал только о вас. И когда я увидел вас после долгой разлуки, мне казалось, что вы еще похорошели и что вы другая, новая, что опять вас надо узнавать и любить еще больше, по-новому. И что еще тяжелее расстаться...

Все это она написала в мемуарах. Не раз, по словам Лидии Алексеевны, Чехов звал ее то в театр, то куда-то еще, а у нее — обстоятельства, семейный долг: муж ведь, дети... Когда же из этого плена вырывалась она, что-то не складывалось у него...

А то признание все в ней перевернуло. Ей казалось, что она оттолкнула Чехова, причинила ему боль, это и было «ужасное недоразумение».

И вот, рассказывала Авилова, промучившись два дня, она заказала в ювелирном магазине брелок в форме книжки. На одной стороне этой книжки вырезали имя Чехова, указание на том его сочинении, на другой — номера страницы и строк. «Если найти эти строки в книге, — объясняла Лидия Алексеевна, — то можно было прочесть: «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее».

Брелок она послала брату, чтобы тот через редакцию издания, с которым сотрудничал Чехов, передал его адресату.

Можно представить ее потрясение на премьере «Чайки»... Конечно же, вернувшись домой, Авилова бросилась к книжной полке, открыла на указанной со сцены странице и прочла: «Молодым девушкам бывать в маскарадах не полагается».

Ах, маскарад... Когда-то они ведь встречались с Чеховым и на маскараде. «Вот это был ответ!» — восклицала восхищенная Авилова.

Впрочем, рассказы Авиловой о том, что у нее с Чеховым был тайный роман, который длился десять лет, об удивительном этом признании в любви Мария Павловна, сестра Чехова, ставила под сомнение. Ее позицию разделяют и многие чеховеды. Тем более что в описанной ею сцене признания Чехов так мелодраматичен, будто это и не Чехов... Но есть авторы, которые вполне верят этой истории, считая ее ну разве несколько приукрашенной.

Лидия Алексеевна писала, что их с Чеховым тайному роману посвящен не только эпизод в «Чайке», но и рассказ «О любви», появившийся уже после «Чайки». Там герой — человек неженатый — влюбляется в хозяйку дома, где его почитают благороднейшим другом семьи. И только в момент расставания, когда ничего уже не изменить (ее мужа переводят в другую губернию), герой прозревает: «Я понял, что когда любишь, то в своих

рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе».

Лидия Борисовна решила: совет адресован ей, но мысль показалась недостаточно четкой...

...Что до медальона, подаренного Ниной Тригорину, эту сцену, возможно, Чехову и вправду подсказал сюрприз Авиловой. Но подобные сюрпризы–секреты с указанием зашифрованных страниц были вполне в духе времени.

Интересно, что после премьеры «Чайки» Чехов поступил так же, как Нина Заречная, как Авилова. Он послал Лике Мизиновой жетон с указанием страниц и строк в одном каталоге, чтобы Лика прочла: «Игнаша — дурачок, или нечаянное сумасшествие». Такой прозрачный и вместе с тем изящный, шуточный намек Чехова на своего соперника Потапенко и на душевное состояние Лики.

Лика ответила, что жетон понравился ей во всех отношениях. И, наверно, тот его жест — зеркальное отражение сцены из «Чайки» — сказал ей куда больше, чем могли бы заключить в себе самые нежные слова утешения и любви. Однако ни она, ни он никаких записей на сей счет не оставили.

«Каждое личное существование держится на тайне, и, быть может, отчасти поэтому культурный человек так нервно хлопчет о том, чтобы уважалась личная тайна». Это — мысли Гурова из «Дамы с собачкой».